

ЖАЛОВАННЫЕ ЛИТАВРЫ В РУССКОЙ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ

Старинная русская наградная система настолько многообразна, что включает в себя предметы, казалось бы, никак не могущие служить наградами. К таким необыкновенным видам награждений относится пожалование литавр — парных музыкальных инструментов в виде громоздких металлических котлов, затянутых кожаной мембраной. Свою родословную они ведут от древнеперсидских прообразов¹, а на Руси вошли в употребление в XVI—XVII веках преимущественно в иноземных конных полках в качестве обычных музыкальных инструментов². С устройством регулярной кавалерии литавры стали штатными строевыми предметами.

Традиция награды литаврами восходит к концу XVI века. В 1576 году, в процессе реорганизации войска реестровых казаков, новопоставленному «старшому войска запорожского», почитавшемуся в Малороссии гетманом, Б. Рожинскому от короля Речи Посполитой Стефана Батория были присланы первые клейноды³ — знаки особенного внимания и символы независимости низовых казаков от польского правительства. К ним прилагались и музыкальные инструменты, в том числе и литавры, означавшие право созыва звуковым сигналом рады, встречи высоких особ, отправления войска в поход и т. п.

После 1654 года русские цари поддержали эту давнюю польскую традицию пожалования литавр гетманам Левобережной Малороссии среди второстепенных клейнодов, не поименованных в жалованных грамотах⁴.

О первых Императорских пожалованиях гетманских литавр-клейнодов ничего не известно. После того как «все Войковіе клейноти Мазепа, идучи к Шведу з собою

забрал»⁵, новоизбранному в 1708 году гетману И. И. Скоропадскому в качестве новых клейнодов были даны булава, палаши и печать⁶. Последовавший позднее за ним гетман Д. П. Апостол имел от Императора Петра II клейнодное знамя⁷. Прилагались ли к этим клейнодам литавры, куда девались старые, действительно ли увез литавры изменник И. С. Мазепа (что, впрочем, маловероятно) — об этом сведений нет. Но есть свидетельство, что некие старые гетманские литавры вывозились в Глухове 22 февраля 1750 года на заочную «элекцию торжественную» нового гетмана — графа К. Г. Разумовского⁸.

Возрождение малороссийского гетманства в середине XVIII века вообще было обставлено с необычайной пышностью. Особенным торжеством отмечался акт вступления гетмана в должность: его въезд в Глухов и публичное провозглашение Жалованной грамоты. В процессе долгой подготовки к этим событиям, еще в конце 1750 года, вышло повеление Императрицы Елизаветы Петровны об изготовлении новых дорогих гетманских клейнодов⁹.

Была изготовлена и пара серебряных литавр. На каждой из них, спереди, в обрамлении позолоченного растительного орнамента помещались серебряные доски с одинаковыми гравированными надписями: «Божию милостию Елисавета Первая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая, пожаловала сими литаврами, вернаго подданного своего Малороссискаго войска Запорожскаго, обоих сторон Днепра Гетмана, действительнаго Камергера, Академии Наук Президента, лейб-гвардии Измайловскаго полку Подполковника, и Кавалера, Графа Кирила Григорьевича Разумовскаго. Лета Христ. 1751»¹⁰.

Боковые стороны каждой литавры украшалась позолоченной бляхой в виде барочного картуша с чеканным изоб-

ражением латинских соединенных прописных букв «IEP» (Imperatrix Elisabeth Prima¹¹) — вензелевое изображение имени Императрицы Елизаветы Петровны, увенчанных российской императорской короной и обрамленных военной арматурой, состоящей из знамен, литавр, орудийных стволов и барабанов. Крепления кронштейнов восьми винтов и трех медных витых ножек были также обрамлены серебряными позолоченными бляхами с растительным орнаментом.

На торжестве обнародования грамоты 14 июля 1751 года эти литавры с зелеными бархатными расшитыми золотом завесами (чепраками)¹² были водружены на коня, ведомого двумя конюхами в голове гетманского поезда, следовавшего из дворца в глуховскую Николаевскую церковь¹³.

По окончании торжественных церемоний, на которые непременно выносились гетманские клейноды, литавры убирались в войсковую скарбницу. Опись войсковым клейнодам¹⁴ (в том числе и некоторым старым) 1758 года отмечает наличие **только этих** серебряных литавр (1751 года). И хотя публикатор старинной описи недоумевает по поводу дальнейшей их судьбы, упомянутые литавры известны сохранившимся в целости и поныне. После уничтожения гетманства в 1764 году их отослали назад в столицу и, предположительно за подвиги при участии в Семилетней войне 1756–1763 годов, пожаловали кирасирскому Наследника полку — впоследствии Лейб-кирасирскому Его Величества. Они сохранились там до 1811 года, а затем были уbrane в полковой цейхгауз на шестнадцать лет. В 1827 году вновь вновь упоминаются, а в 1860-м — как не являющиеся регалией Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка отправлены в Санкт-Петербургский арсенал¹⁵. Через три года они заинвентаризированы в Достопамятном его отделении¹⁶. В 1868 году, когда его собра-

ние переместилось в Кронверк Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, положив начало Артиллерийскому музею, последние гетманские литавры как не профильные экспонаты последовали в новоорганизованный музей Главного Интендантского управления¹⁷. В начале 80-х годов XIX века этот музей переключил свое внимание на сортирование технических образцов предметов обмундирования и снаряжения (даже был переименован в 1881 году в Магазин образцов), войсковые регалии стали сосредоточиваться в Артиллерийском музее, куда в 1883 году передали и эти литавры¹⁸.

Здесь они хранятся и поныне¹⁹.

Таким образом, жалованные регалии последнего малороссийского гетмана прослужили по своему прямому назначению всего тринадцать лет; шестнадцать лет обретались в закрытых хранилищах; восемьдесят лет, скрыв под богатыми завесами надписи и характерный декор, принадлежали стороннему полку.

* * *

Быгущее мнение по поводу второй линии клейнодного пожалования литавр — Запорожским казакам — связывается также с именем короля Стефана Батория²⁰, пожаловавшего якобы особенные гетманские клейноды и на Сечь. Малороссийскими летописцами это не подтверждается. Вероятно, широко бытавшее самоназвание низового войска малороссийских казаков «войском запорожским» позволило ревнителям «козацкой» старины отождествить упомянутое королевское пожалование клейнодов в 1576 году с посылкой также клейнодов и на Сечь²¹. Несомненно одно: при частых военных походах запорожцев клейноды были более нужны в обособленном сечевом коше, нежели при гетманской ставке. И потому их просто скопировали с последних,

королевских образцов и в числе других поднесли чигиринскому сотнику З. Хмельницкому при провозглашении его гетманом на Сечи в 1648 году²².

В московский период ходатайство перед Царем Феодором Алексеевичем о пожаловании особенных клейнодов последовало от запорожского кошевого атамана И. Д. Сирко 1677 году — дескать, без клейнодов казаки «войском его не слушают»²³. Но не дождавшись царского определения, запорожцы изготовили себе клейноды самочинно, чем вызвали негодующие письма в Москву гетмана И. Самойловича²⁴. «Официальных» клейнодов, в том числе и литавр, запорожские казаки дождались лишь в 1698 году от гетмана И. С. Мазепы²⁵.

В начале 1709 года Царь Петр Алексеевич посыпал запорожцам некие клейноды уже своей властью²⁶, но это уже не смогло переменить кошевые настроения соучастия в гетманской политической авантюре, повлекшее разорение Сечи три месяца спустя.

После возвращения запорожцев в российское подданство и присяги на верность Императрице Анне Иоанновне о пожаловании им клейнодов в 1734 году ходатайствовал президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал, граф Х. А. фон Миних. По этому поводу 2 сентября 1736 года из Малороссийской экспедиции Правительствующего Сената ему писали²⁷: «Требованные от запорожского кошевого атамана войсковые клейноды ныне здесь в отделку пришли и к вам отсылаются; а какие именно, о том при сем реестр приложен ... Еще же, по известию, от вас приенному, не достает в число помянутых клейнот пары литавр, которых такожде готовых не сыскано, а вновь делать без образца невозможно было, понеже неизвестно было, какие у запорожцев литавры употребляются; того ради потребно вам, осведомясь о том, велеть

такие литавры сыскать у малороссийской старшины и у полковников и оные у них за плату денежную взять, а в запас послан Указ наш к генералу лейтенанту князю Борятинскому²⁸, велено и ему таковых литавр готовых в Глухове искать или вновь сделать и к вам переслать. И все те клейноты имеете вы кошевому атаману с посланною при сем же нашею грамотою, которой содержание усмотрите вы ис приложенной копии, каким образом з благоразсудите, отдать».

Месяц спустя, 2 октября 1736 года, граф фон Миних сообщал, что «сего числа с надлежащею церемонией и с пущечною пальбо войска Запорожского кошевому атаману Малащевичу с прибывшими с ним куренными атаманами, при присутствии обретающегося здесь генералитета, при грамоте отданы быть имеют»²⁹. Очевидно, что «вновь сделать» литавры не успели, а купили на стороне или передали из Глухова пару старинных, пожалованных некогда от царей малороссийским гетманам³⁰.

Через семь лет эта присылка клейнодных литавр 1736 года послужила прецедентом для обращения запорожцев к Императрице Елизавете Петровне в 1743 году. «Понеже Милостию Божиую покойная Императрица Анна Иоанновна пожаловала клейнотами, то есть ... литаврами, а литаври годами бившими походами все до тростин портились, и то, даби Вашему Императорскому Величеству при нашем Запорожском войску в вечность память была, таковыми клейнотами, як покойная Императрица Анна Иоанновна нас пожаловала, покорно просим»³¹. В связи с этим прошением коллегия Иностранных дел представила в Сенат справку о том, что никаких затрат на запорожские клейноды 1736 года³² не было, что дополнительно подтверждает версию бесплатной передачи старых гетманских малороссийских образцов. Новые были изготовлены

ны в Москве в 1744 году и имели вензеля, украшения и надписи о пожаловании. Судьба их неизвестна, а в 1763 году начинается история уже совсем других литавр.

Именной, объявленный Правительствующему Сенату генерал-прокурором А. Н. Глебовым Указ от 6 февраля 1763 года гласил: «Ее Императорское Величество Всемилостивейшая Государыня, в знак к войску Запорожскому Своего Императорского благоволения и Высочайшей милости, повелеть соизволила, тому войску, по прошению их, дать войсковые клейноды, яко-то «...» литавры...»³³. Во исполнение этого Указа Сената было определено: «оные клейноды сделать по примеру прежних (выделено нами – А. Н.) Коллегии Иностранных дел...», о чём 11 февраля был послан туда соответствующий указ³⁴.

Особенно разъяснялось, что новые клейноды должны быть сделаны в Москве, опять же по примеру прежних и через Московскую сенатскую контору пересланы к гетману графу К. Г. Разумовскому при грамоте³⁵.

Новые, а вернее, последние запорожские жалованные литавры были, как и предыдущие, украшенными, но с вензелями Императрицы Екатерины II и иными надписями. 21 июля 1763 года в Московской сенатской конторе их вручили под расписку запорожскому кошевому атаману Г. Федорову, который повез их в Глухов для официального вручения старшинам Сечи от гетмана³⁶.

Дальнейшая история этих регалий прослеживается до начала XX столетия³⁷.

После окончательного упразднения Запорожской Сечи Президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический 13 мая 1788 года пожаловал Войску верных казаков Черноморских клейноды его предшественника – Запорожского казачьего войска³⁸, но без литавр. Это явствует из последовавшей четыре года

спустя, 30 июня 1792 года³⁹, Жалованной грамоты войску Черноморскому, подтвердившей употребление старых запорожских клейнодов и определившей дополнительное пожалование войскового знамени и литавр. Тем не менее литавры изготавливать заново не стали, но в соответствии с Жалованной грамотой 1792 года отослали в Черноморское войско прежние, отобранные при уничтожении Запорожской Сечи⁴⁰.

Эти литавры считались войсковыми регалиями Черноморского, а с 1860 года – Кубанского казачьего войска⁴¹ и хранились в особенном помещении войскового штаба в Кубанском областном правлении в Екатеринодаре. Во время торжественных церемоний, как, например, 8 сентября 1896 года – в день празднования 200-летия «верной службы Кубанского войска своим Государям и Отечеству», они возлагались на ведомого в поводу светло-серого коня и сопровождались казаками впереди войсковых знамен⁴².

Судьба этих регалий до наших дней не прослеживается⁴³. Не исключено, что вместе с другими кубанскими войсковыми клейнодами они были вывезены за границу.

* * *

Пожалование литавр за боевые отличия восходит ко времени Великой Северной войны 1700–1721 годов и ведёт начало от такого шведского награждения, который, на наш взгляд, имеет некоторую преемственную связь с клейнодными пожалованиями.

В соответствии с бытующей военной традицией шведский королевский Лейб-РегIMENT был пожалован королем Карлом XI за отличие в битве при Лунде в 1676 году парой серебряных литавр. Первое архивное упоминание о них относится к 1689 году. Можно утверждать о том, что эти регалии сопровождали полк на полях сражений Великой Северной войны в 1700 году⁴⁴.

9 июля 1702 года в сражении у польского селения Клишов шведская армия короля Карла XII наголову разбила соединенные польско-саксонские силы под предводительством короля Польши Августа II. Решающую роль в битве сыграла кавалерийская атака личной гвардии возглавленная самим королем Карлом. Бывшие в этом бою серебряные литавры получили пробоины. В память о славном боевом эпизоде регалии отличившегося Лейб-регимента отреставрировали — наложили на места пробоин серебряные заплаты (три на одной и четыре на другой). Одну из пластин снабдили латинской памятной надписью: «*Sub Felicissimo cersemine Potentissime Regissuecia Carolus XII cum Polonis Saxon Tart Woloscis et Noc formenicta golbut hostilis Clitzoviam in Pol "1702"*»⁴⁵.

В Европе уже сто лет литавры были известны как клейноды высших военных предводителей. Шведское пожалование 1676 года отмечало не только ратные заслуги собственного королевского конного полка, но и обращалось боевым клейнодом его венценосного предводителя.

Но «славная победа над чужеземными народами», как под Клишовым, не повторилась для шведов семь лет спустя на Полтавском поле. В знаменитой битве 27 июня 1709 года серебряные жалованные литавры шведского Лейб-Регимента стали русскими трофеями⁴⁶. Царь Петр Алексеевич полководческие клейноды шведского предводителя пожаловал в знак отличия в сражении и с явным традиционным смыслом генерал-фельдмаршала светлейшего князя А. Д. Меншикова Генеральному или Лейб-шквадрону⁴⁷ — предку Конной Гвардии, явив тем самым едва ли не единственный случай превращения неприятельского трофея в боевую награду победителя. Позднее такое награждение явилось основанием для предания о том, что и захвачены в сражении эти литавры были дальним предшествен-

ником Л.-гв. Конного полка⁴⁸. На самом деле и знамена, и серебряные литавры шведского Лейб-Регимента, и носилки короля Карла «на оной генеральной биталии Полтавской» взял Киевский драгунский полк⁴⁹, что бесспорно подтверждается «сказками» чинов полка, введенными в научный оборот еще к двухсотлетнему Полтавскому юбилею⁵⁰.

Награждение непричастного к взятию трофея Лейб-шквадрона было уже совершенно забыто к 1721 году, когда Лейб-шквадрон поступил на сформирование Кроншлотского драгунского полка, передав последнему в качестве боевой регалии и некогда пожалованные трофеиные литавры. В этом полку они сохранялись в прежнем статусе и после переименования его в 1725 году в новый русский Лейб-Регимент.

При реорганизации в 1730 году этой привилегированной армейской кавалерийской части в Конную Гвардию по поводу старых литавр возникла переписка, из которой следует, что значение старинных регалий было тогда начисто забыто. Так, обер-кригс-комиссар И. Савельев доносил, что они «показаны годными, а сроки минули, а откуда даны и какие именно, в котором году, месяца и числа того не показано, также в полку строением тем литаврам по ведомостям не написано, а от мундирной конторы дач не было...»⁵¹. От исполненных старых предметов поспешили избавиться, и «литавр негодных одна пара»⁵², была сдана в полковой арсенал с последующим помещением на почетное хранение в петровской дворцовой Преображенской церкви подстоличной мызы Стрельна⁵³, где они дополнили число нескольких хранившихся там подобных реликвий Северной войны⁵⁴. Здесь эти первые пожалованные за боевое отличие литавры были вскоре забыты почти на сто лет.

***

Второе по времени, несколько необычное пожалование литавр войсковой части произошло в конце царствования Императора Петра Великого.

Для церемонии коронации Императрицы Екатерины I по повелению Его Величества 31 марта 1724 года набрали так называемых драбантов, составивших Кавалергардию. Этой церемониальной конной страже Императрицы, звание капитана которой воспринял сам Государь, были даны необыкновенные штатные литавры, а специально изготовленные, отличные серебряные образцы⁵⁵ с золочеными овальными бляхами, украшенными чеканными изображениями Российского Государственного Герба — двуглавого орла, золочеными украшениями в форме растительного орнамента вокруг восьми винтов и, вероятно, с золочеными же витыми тройными подножками⁵⁶.

После коронационных торжеств 7 мая 1724 года⁵⁷ регалии вместе со всей кавалергардской амуницией были сданы в Московскую Мундирную контору. Однако возрождение Кавалергардии в 1726 году повлекло возвращение им всего убora, обеспечив участие петровских литавр, уже как коронационных клейнодов, во всех важнейших московских придворных церемониях, в которых были заняты кавалергарды, вплоть до их окончательного упразднения в 1731 году. Три года спустя эти литавры попали в Оружейную палату Московского Кремля⁵⁸, где им предстояло длительное, но не окончательное забвение...

Тем временем новосформированная Конная Гвардия, отвергнув забытые петровские трофеиные литавры, не осталась без таковых вновь вошедших в моду регалий. Но сначала им пожаловали не литавры, а деньги на их приобретение. И посланный в начале 1731 года в Берлин для разных закупок конногвардейский ротмистр Ю. Ливен заказал купцу

Мейеру пять пар серебряных литавр⁵⁹. Это пятикратное превосходжение штатной потребности полка хотя и вызвало недоумение позднейших исследователей⁶⁰, однако было не случайным.

Лучшая пара литавр весом в два пуда и ценою 1678 талеров⁶¹ была по повелению Императрицы Анны Иоанновны оставлена в Конной Гвардии, а остальные отосланы ко Двору. По мысли президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала графа Х. А. фон Миниха их предназначалось пожаловать впервые формируемым привилегированным четырем кирасирским полкам. В числе награжденных в 1733 году дорогими серебряными литаврами оказался и шеффский полк учредителя кирасиров в России (бывший Выборгский драгунский), новоназначенный два года назад⁶² «во веки» Миниховым кирасирским полком⁶³ — предок 13-го драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк⁶⁴. Одновременно такие же отличия получают новоназначенные Лейб-кирасирский (бывший Невский драгунский) и Берлинский кирасирский (бывший Ярославский драгунский) полки⁶⁵ — прежде бывшие соответственно Л.-гв. Кирасирским Ее Величества⁶⁶ и Его Величества⁶⁷ полками.

Относительно последней пары «отправленных ко Двору» серебряных литавр берлинской работы 1731 года можно думать, что ее намечали пожаловать предполагаемому быть сформированным в 1740 году сначала из Архангелогородского драгунского полка, а затем — из Казанского драгунского — кирасирскому Принца Карла Курляндского полку. Однако кончина Императрицы Анны Иоанновны и значительные перемены в политической жизни государства воспрепятствовали тогда сформированию четвертого кирасирского полка⁶⁸. Судьба предназначенному ему пары литавр осталась неизвестной, тогда как четыре остальных прослужили Л.-гв. в Конном — до начала XIX столетия; в Лейб-кира-

сирском и Бевернском кирасирском (впоследствии кирасирском Наследника) полках — до 1764-го, а в Миниховом (впоследствии 3-м) кирасирском — предположительно до 1765 годов.

Во втором из упомянутых полков венцевая табель 1764 года указывает, что литаврам срок вышел еще восемь лет назад⁶⁹ и их заменили на новые наградные. В кирасирском Наследника полку в том же году литавры сменились гетманскими 1751 года, а в 3-м кирасирском годом позже предположительно сменились новыми, наградными за подвиги в Семилетней войне 1756—1763 годов.

* * *

К истории наградных литавр примыкает и не имеющее precedента пожалование четырех серебряных барабанов. Они были изготовлены по контракту петербургским (?) мастером Захаром Дсираном в 1739—1740 годах. Барабаны имели серебряные корпуса с позолоченными вензелями Императрицы Елизаветы Петровны; деревянные обручи, обтянутые зеленым трипром, обшитые поверх золотым галуном, и шнурки из золотой канители с примесью зеленого шелка. Столь же богато были украшены приборные ремни и парадные чехлы⁷⁰.

В соответствии с определением Военной коллегии (№ 100, июнь 1740 года) барабаны были пожалованы генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву, назначенному чрезвычайным и полномочным послом ко Двору султана Отоманской Порты. Но сначала их отправили в Киев в сопровождении команды из двух солдат и одного унтер-офицера, которым было дано указание везти новые регалии «со всяким бережением и с крайним поспешением»⁷¹.

По возвращении Румянцева из посольства 3 октября 1742 года последовал Высочайший Указ: «объявленные секунд-

майором Павлом Рогозинским, бывшие в турецком посольстве, серебряные четыре барабана с приборы, якото: с перевезми и чехлами передать в Лейб-Компанию»⁷². Таким образом, богато разукрашенные посольские регалии явились заменой для пешего строя кавалерийских литавр кавалергардов, прямым потомком и правопреемником которых была Лейб-Компания. В 1760 году эти барабаны, вероятно в негодном для использования состоянии, достались Сухопутному кадетскому корпусу⁷³, где по прошествии некоторого времени были проданы на лом.

* * *

Внезапная переориентация российской внешней политики в первой половине 1762 года притормозила воздание армии за оказанные подвиги в действиях против Прусского королевства до прихода к власти Императрицы Екатерины II. Считается, что в числе наград значительное место было отведено и пожалованию литавр, которые получили особо отличившиеся в военных действиях армейские кавалерийские полки.

Первоначально такие особенные литавры с накладными изображениями двуглавых орлов, с пересеченными щитами с вензелями Императора Петра I — державного основателя полка — на одном, и Императрицы Елизаветы Петровны, в царствование которой получено отличие — на другом в верхней части и с полковыми санкт-петербургскими гербами в нижней⁷⁴, были даны Санкт-Петербургскому кирасирскому (бывшему конно-grenaderскому) полку — предку 2-го драгунского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка⁷⁵.

В отношении даты этого пожалования существуют различия. Так, самый подробный очерк истории наградных литавр⁷⁶ гласит, что жалованные литавры явились по окон-

чании войны наградой полку от Императрицы Екатерины II, с туманной оговоркой об оценке Ее Величеством заслуг полка, «*съе будучи Великой Княгиней*⁷⁶. При этом называется дата — 1760 год⁷⁷. Полковой историограф бывший командир полка генерал-майор Е. С. Каменский (первый исследователь вопроса о жалованных лягаврах в целом) в статье, подписанной «К. Менский»⁷⁸, дважды утверждает об этом пожаловании 1760 года⁷⁹. На наш взгляд, речь может идти лишь о последнем отличии при взятии Берлина, когда полк первым вступил в капитулировавший город. Та же дата воспроизведена и Генерального Штаба полковником Н. Г. Николаевым⁸⁰. И лишь официальные справочные издания уточняют вероятную дату пожалования лягавр 1763 годом⁸¹. Как и прочие наградные лягавры того времени, они прослужили в строю полка до начала XIX века.

* * *

Вопреки официальным данным, утверждающим, что в Лейб-кирасирском полку и в дальнейшем сохранялись лягавры анненского пожалования 1733 года⁸², имеются сведения, что полк обладал совсем иными образцами лягавр — с надписью «1764»⁸³. По предположениям полкового историографа полковника М. И. Маркова, они сменили старые, приведшие в негодность и явились наградой — или за политический Польский поход 1764 года для возведения на престол короля Станислава-Августа Понятовского⁸⁴, или же за участие в Семилетней войне 1756—1763 годов.

* * *

Остальные случаи пожалования лягавр в награду за участие в Семилетней войне и вовсе представляются спорными.

Так, Е. С. Каменский⁸⁵, а вслед за ним и Н. Г. Николаев утверждают, что гетманские лягавры 1751 года были в 1764 году

пожалованы кирасирскому Наследнику полку в награду за военные подвиги, что не подтверждается материалами полковой истории⁸⁶.

В отношении признанного⁸⁷ утверждения⁸⁸ о пожаловании в 1765 году наградных лягавр 3-му кирасирскому полку⁸⁹, также неизвестно, было ли такое новое пожалование, или же просто возобновилось употребление лягавр 1733 года. Так, полковой историограф, ротмистр А. И. Григорович, упоминая о пожаловании лягавр за Семилетнюю войну, отмечал: «Документальных подтверждений нам не пришло...»⁹⁰. Определить, что за регалии были у орденцев, возможно было лишь путем сравнения их изображение с обликом хотя бы одной из пяти пар лягавр берлинской работы 1731 года. Но местонахождение и изображение нам неизвестны.

* * *

С легкой руки Е. С. Каменского⁹¹ и Н. Г. Николаева⁹² стало бытовать мнение о пожаловании в 1767 году за подвиги в Семилетней войне серебряных лягавр Новотроицкому кирасирскому полку — предку 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка. Однако этому полку в 1766 году были даны лишь серебряные трубы⁹³. Пара драгоценных лягавр действительно появилась, но в 1767 году, и не пожалованием за подвиги, а в качестве памятного подарка бывшего полкового командира полковника И. Е. Дарагана, таким образом запечатлевшего свою сдачу должности при выходе в отставку⁹⁴. На низких серебряных корпусах лягавр были наложные изображения Государственного Герба и надписи: «старанием полковника Дарагана»⁹⁵.

Практика таких «самочинных пожалований» хотя и не была широко распространена, но явилась характерным про-

явлением духа военно-аристократической вольности «золотого века» екатерининского царствования.

* * *

Повторение подобного тщеславного «самоотличия» случилось и в последующее царствование. 5 февраля 1799 года Высочайшим Приказом объявлялось: «По вышедшим сплетням у Генерал-Майора Говена⁹⁶, по случаю серебряных труб и литавр, которые он себе присвоил, взыскать из имения его суммы за оныя, и сверх того повелевается Гг. Инспекторам от кавалерии, дабы наблюдали, чтоб во всех полках, где таковые литавры и трубы есть, почитать их регалиями; а в которых оныя не имеются, отнюдь без особенного Нашего соизволения вновь не делать»⁹⁷.

Так в начале 1799 года был положен конец не только практике самочинного пожалования, но и употреблению в строю подобных литавр, а уже имеющиеся пожалованные образцы получили определенный статус **полковых регалий**.

После этого состоялось еще лишь одно «соизволение вновь делать» отличные серебряные литавры с кистями — для новосформированного в качестве мальтийской гвардии Кавалергардского корпуса. Но так как на эти и на предшествующие литавры-регалии никогда никаких документов о пожаловании не выдавалось, то об их наградном и отличительном значении позабыли уже в начале XIX века. К этому времени такие музыкальные инструменты для применения на поле боя стали уже совершенно бесполезны, что в 1811 году привело почти к полной отмене литавр, как штатных предметов в Русской армии.

Именной Указ от 5 декабря 1811 года объявленный по этому поводу Военным министром генералом-от-инфантерии М. Б. Барклаем де Толли Военной коллегии, гласил: «Госу-

дарь Император Высочайше указать соизволил во всех кирасирских и драгунских полках литаврщиков уничтожить, а литавры отдать в ближайшие арсеналы; в тех же полках, коим литавры пожалованы, остаются они в полковых казначействах [...] в трех же Гвардейских полках: кавалергардском, конном и драгунском литаврщики остаются»⁹⁸.

После такого Указа в строю Русской армии остались только три пары жалованных литавр: Кавалергардского полка (павловского пожалования 1799 года), Л.-гв. Конного полка (анненского пожалования 1731 года) и Черноморского казачьего войска (последние запорожские 1763 года). Вопреки утверждению Е. С. Каменского⁹⁹, различие между обычновенными и пожалованными литаврами было сделано — последние оставались при полках, но и те и другие попадали в закрытые цейхгаузы, где их ожидало забвение. Казалось, ничто не предвещало возрождения этих оригинальных старинных регалий вплоть до концаalexандровского царствования.

* * *

В 1827 году Император Николай I, узнав о старинных шведских литаврах, принадлежавших Конной Гвардии и находившихся на почетном хранении в стрельницкой Преображенской дворцовой церкви, 4 июля 1827 года повелел взять их в полк для употребления¹⁰⁰, вместо прежних литавр анненского пожалования. Судьба последних неизвестна. А полтавские трофеиные регалии после замены мембранных и натяжных винтов прослужили Л.-гв. в Конном полку до 1917 года, сохранившись вместе со штандартами в Зимнем дворце, когда полк был в столице и в иных подстоличных Императорских резиденциях во время загородных стоянок¹⁰¹.

После событий 1917 года эти старинные литавры вошли в состав коллекций Императорского Эрмитажа. В 1932 году¹⁰² в числе многочисленных непрофильных экспонатов военно-исторического характера были переданы Военному Историко-бытовому музею¹⁰³. В 1937 году поступили в собрание Артиллерийского музея¹⁰⁴, в 1950 году были переданы в возрождаемый Суворовский музей¹⁰⁵, где хранятся и поныне.

* * *

Тем же повелением от 4 июля 1827 года было определено возобновить употребление прежних литавр (гетманских 1751 года) Л.-гв. в Кирасирском полку, причисленном к составу Императорской гвардии четырнадцать лет назад и, следовательно, по логике указа 1811 года имевшему право на литавры. Предусматривалась возможность пожалования такого отличия и еще одному существовавшему тогда полку гвардейской тяжелой кавалерии — Л.-гв. Подольскому кирасирскому. В конце 20-х годов XIX века — в период пристального императорского внимания к возрождению наградных литавр в гвардейской кавалерии — и этот полк не был обойден таковым отличием. И это хронологически последнее отличительное пожалование было торжественно обставлено и как бы перекликнулось с первым таким награждением 1709 года.

С 1794 года в цейхгаузе Санкт-Петербургской крепости хранились польские литавры с вензелем короля Станилава-Августа¹⁰⁶ Понятовского — один из трофеев Польской инсurreционной войны 1792—1794 годов¹⁰⁷. В 1829 году их отправили в Комиссионный департамент, украсили изображением российского Государственного Герба с «погонем» на щите. Прямо продолжая оригинальную петровскую традицию, литавры вручили Л.-гв. Подольскому кирасирскому

полку в знак поднятия боевого духа и с целью усиления антипольских настроений накануне назревающих событий 1830—1831 годов.

В 1831 году полк был соединен Л.-гв. с Кирасирским полком, который обладал возобновленными в употреблении литаврами с 1827 года. При пожаловании прав Старой Гвардии новосформированному Л.-гв. Кирасирскому Его Величества полку новейшие регалии были отставлены и 12 февраля 1833 года отправлены в Санкт-Петербургский арсенал.

* * *

Такое Императорское внимание к жалованным литаврам обеспечило условия для возрождения этих отличий и в армейских кавалерийских полках.

В 1832 году командир II-го резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенант А. П. Никитин, делая смотр Екатеринославскому (бывшему Новотроицкому) кирасирскому полку, узнал о хранящихся при нем, но давно не употребляемых драгоценных литаврах 1767 года. По этому поводу им было направлено представление в Инспекторский департамент с вопросом о способе показа таких литавр по табелям. Интерес Императора Николая I к жалованным литаврам и желание скорейшего и полного восстановления их в армии были настолько велики, что даже без исследования причин пожалования эти некогда поднесенные полковником И. Е. Даграном музыкальные инструменты, запрещенные для употребления в 1799 году, Высочайшим повелением от 27 августа 1832 года были восстановлены с предписанием: «литавры сии полку иметь всегда в строю...»¹⁰⁸.

Несмотря на столь необычайный поворот событий, «даграновские» литавры полковой регалией не стали. В 1860 году, при переформировании полка в драгунский, командование получило предписание сдать в Киевский арсенал все кира-

сирское снаряжение, в том числе и литавры¹⁰⁹, что и было исполнено. О возвращении достопамятных полковых реликвий забеспокоились лишь двадцать восемь лет спустя. Командир 10-го драгунского Екатеринославского полка полковник И. Н. Языков-Полешко поручил будущему полковому историографу поручику К. К. Агафонову разыскать их. Литавры были уже не в Киеве, а в Санкт-Петербурге, куда в крепость и на склады ее Кронверка в 1870-е годы перемещалось обширное имущество Киевского арсенала. 12 сентября 1889 года эти литавры были возвращены в качестве частного имущества полка и хранились в полковой квартире (в так называемом Потемкинском штабе близ местечка Граво Щучинского уезда Ломжинской губернии¹¹⁰) до самой Первой мировой войны. На этом и обрываются сведения об их судьбе.

* * *

После возрождения в 1832 году употребления жалованных литавр в армейской кавалерии вспомнили о таких своих старых регалиях и в двух других армейских кавалерийских полках. В изданном два года спустя Росписании знаков отличий полков (от 7 августа 1834 года¹¹¹), обладающих литаврами за Семилетнюю войну, показаны Санкт-Петербургский уланский (бывший кирасирский) и, заодно, кирасирский Военного Ордена полки. Но 5 августа 1837 года, когда Император Николай I делал смотр под Ковно¹¹² I-му армейскому корпусу, Санкт-Петербургский уланский полк представился без означенных жалованных литавр. По словам историографа санкт-петербургцев, Государь, «всегда внимательный к военной славе полков своей армии»¹¹³, чуть ли не напомять знал все полковые отличия, а тем более хорошо помнил о литаврах. Император пожелал знать, почему литавры «за прусскую Семилетнюю войну» до сих пор не до-

ставлены в полк. По этому поводу началась переписка между Инспекторским и Комиссариатским департаментами Военного министерства. 17 августа 1837 года Инспекторским департаментом представлен тогда же утвержденный доклад № 46, в котором испрашивалось официальное Высочайшее разрешение на употребление жалованных литавр в этих двух армейских кавалерийских полках. Резолюция управляющего Военным министерством генерал-адъютанта генерал-лейтенанта В. Ф. Адлерберга гласила, что Орденскому кирасирскому полку литавры уже возвращены в соответствии со сделанными им еще в Ковно распоряжениями¹¹⁴.

Потребовалось всего две недели, чтобы жалованные литавры фактически вернулись в полки армейской кавалерии. Такая быстрая реставрация старинной традиции оказалась возможной благодаря личному вниманию Императора Николая I, справедливо указавшему, что место этим дорогим для русской славы реликвиям не в арсеналах, а в полках, заслуживших право на них.

Воспоминанием о подвигах полковых предков служили эти необычные наградные знаки в прославленных армейских кавалерийских полках — 1-м уланском Санкт-Петербургском генерал-фельдмаршала князя Меншикова и 13-м драгунском Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха — до 1914 года, когда массовые перемещения полковых имуществ скрыли дальнейшую историю подлинных предметов.

Но совершенно неведомыми путями одна подлинная литавра 1-го уланского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка (екатерининского пожалования 1763 года за подвиги в Семилетней войне) сохранилась до наших дней... в Швеции. В 1994 году она была выставлена на аукцион в Русском национальном музее искусств (Москва) со стартовой ценой в двести восемьдесят тысяч

американских долларов и предполагаемой продажной ценой триста пятьдесят—четыреста тысяч. Литавра описывалась, как имеющая массу серебра 16 кг, диаметр 56 см и высоту 45,5 см. На тыльной стороне литавры отмечалась и воспроизвела фотографически гравированная в старой классической манере надпись: «LN-II CARL-XII 1703». Небрежная атрибуция¹¹⁵, проведенная экспертами музея-заповедника Московского Кремля, определила литавру, пожалованную Санкт-Петербургскому кирасирскому полку за подвиги в Семилетней войне, военным трофеем Северной войны «послужившим наградой (регалией) одному из русских полков»¹¹⁶. На наш взгляд, надпись является позднейшей (в XVIII веке писали «Carolus») и является либо мистификацией (ради увеличения цены), либо (что вероятнее) инвентарным шифром шведского собрания, в котором находилась эта литавра, ошибочно отнесенная ко временам начала XVIII века.

Вторично эта литавра появилась на международном аукционе уже в Стокгольме (Швеция) в 1998 году¹¹⁷ с такою же продажной ценой. Но даже Государственный Эрмитаж, выразивший заинтересованность в возвращении военного памятника в Россию, оказался вне материальной возможности для такого приобретения.

* * *

В Лейб-кирасирском Ее Величества полку, также как и в других армейских кавалерийских полках, жалованные литавры 1764 года были отменены в 1811 году. В процессе николаевского возрождения этих регалий официального определения о восстановлении употребления их правомочно не последовало. Однако полковое начальство, сознавая привилегированный характер службы полка при членах Императорской Фамилии и, таким образом, его приравненность гвар-

дии, распорядилось обновить облик старинных регалий. Их украсили накладными двуглавыми орлами «николаевского» рисунка¹¹⁸ и неофициально возобновили вынос в строй ставших гвардейскими знаков отличий¹¹⁹. Лишь в 1856 году, при пожаловании прав и преимуществ Молодой Гвардии Л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку, старинные литавры автоматически обрели законный статус, но, постоянно скрытые богатыми завесами, продолжали ошибочно считаться пожалованными в 1733 году¹²⁰.

До 1917 года они сохранялись в Гатчинском дворце — Императорской резиденции подстоличного города, где постоянно квартировал полк.

11 августа 1918 года председателю Гатчинского Совдепа и особо уполномоченному комиссару полковых музеев¹²¹ последовала телефонограмма № 15903 военного комиссара «Петроградской трудовой коммуны» Б. П. Позерна с требованием вывоза в Петроград ценного имущества «Кирасирского полка», находившегося в Гатчинском дворце. На следующий день в Императорских покоях Гатчинского дворца бывший управляющий пенсионной кассой народных учителей и учительниц, а тогда комиссар по организации охраны и перенесения полковых музеев в государственные хранилища В. Е. Гущик¹²² принял у хранителя дворца В. К. Макарова это имущество (в том числе и литавры), о чем был составлен соответствующий акт¹²³, а вещи опечатаны.

Но, чувствуя некоторую возможность не отдавать неизвестно кому драгоценные литавры, хранитель дворца В. К. Макаров сделал заявление о том, что «по акварелям (! — А. Н.) Гатчинского дворца» они еще с 1878 года состоят в числе имущества дворца, а не полка. И когда имущество полкового музея повезли в Кронверк,¹²⁴ литавры под расписку хранителя дворца¹²⁵ остались в Гатчине «до выяснения вопроса о праве на них означенного дворца-музея». Как ни

странно, Позерн — этот впоследствии, «кроме Микояна, здесь в Ленинграде, главный вредитель музеев»¹²⁶ — разрешил вопрос положительно, о чём 11 сентября были уведомлены хранитель и комиссар Гатчинского дворца¹²⁷. Таким образом, литавры Л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка неожиданно сохранились на старой полковой квартире и уцелели до сего дня. Сохранившись в кладовых старинного дворца¹²⁸, они пережили волны Гражданской войны, прокатившиеся над Гатчиной, и вместе со всем музейным собранием были эвакуированы в 1941 году в Ленинград. После войны литавры были зачислены в так называемое Центральное Хранилище музейных фондов с передачей на временное хранение до реставрации Гатчинского дворца в запасники Павловского дворца-музея¹²⁹.

***

К исходу первой половины XIX века жалованные литавры были восстановлены в двух полках гвардейской тяжелой кавалерии, в трех армейских кавалерийских полках и в одном привилегированном армейском полку употреблялись неофициально. Только Кавалергардский Ее Величества полк, по праву обладая литаврами, сохранял не старинные пожалованные, а позднейшие (павловские 1799 года) необыкновенные образцы. В 1849 году были торжественно восстановлены старые отличительные регалии, что подробно изложено в шефском рескрипте (текст составлен лично Государем) Императрицы Александры Феодоровны полковому командиру:

«Господин генерал-майор Безобразов!»¹³⁰

В присутствие мое в Москве Государю Императору, любезнейшему супругу моему, благоугодно было подать мне, как Шефу Кавалергардского имени моего полка, хранившееся в Московской Дворцовой Оружейной Па-

лате литавры, принадлежавшие бывшему Кавалергардскому Корпусу, сформированному Императором Петром I, на время коронования супруги его, Императрицы Екатерины I. Драгоценный сей памятник, мне врученный, с дозволения Государя, преподношу я ныне в дар моему полку. Да послужит ему постоянным воспоминанием, что Императору Петру Великому принадлежит первое намерение учредить Кавалергардов, исполненное в составе полка столетием позднее проправнуком его, Императором Павлом I. Да будет оно и новым доказательством Моему полку того постоянного благорасположения, которое к нему питают и с которым пребуду навсегда к оному благосклонна.

В С.Петербурге, 21 апреля 1849 г.

Александра»¹³¹.

Церемония оглашения рескрипта происходила на плацу кавалергардских казарм на Шпалерной улице в Санкт-Петербурге и была запечатлена на рисунке художника Диопрессоара¹³². А уже на следующий день главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами генерал-адъютант генерал-фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Павлович передал полку Высочайшее повеление: «пожалованные литавры употреблять всегда во фронте полка, а состоящие ныне литавры поставить в полковой церкви под старыми штандартами»¹³³. Они видны слева на акварели, отображающей интерьер храма 1851 года¹³⁴. При описании полковой церкви Свв. Праведных Захарии и Елизаветы, изданным ротмистром С. А. Панчулидзе в 1912 году¹³⁵, среди старинных полковых реликвий они уже не упоминаются. Что же касается реликвий полкового музея кавалергардов, то к 1927 году растрепанное собрание его¹³⁶ попало в Военно-хозяйственный (бывший Интендантский) музей; ни одной пары жалованных литавр там уже не было.

***

Заключительным штрихом истории наградных ливавр в Русской армии явилось уточненное пожалование Л.-гв. Кирасирскому Его Величества полку. 21 июня 1860 года по повелению Императора Александра II принадлежавшие полку чуть меньше века последние гетманские ливавры (1751 год) были «как чуждые регалии» сданы в Санкт-Петербургский арсенал. В полк выдали наградные ливавры прежнего Л.-гв. Подольского кирасирского полка (польские трофеиные 1794 года), как младшего составляющего Л.-гв. Кирасирский Его Величества полк¹³⁷, которые и сохранились в нем до революции. Таким образом получилось, что обладая регалией Л.-гв. Подольского кирасирского полка, утратив прежде собственные анненского пожалования ливавры 1733 года и сдав чуждые, но находившиеся в полку, гетманские 1751 года, Л.-гв. Кирасирский Его Величества полк единственный из гвардейских кирасирских остался без изначально заслуженных им регалий. Вероятно, этот вопрос был поднят обществом офицеров полка, так как 13 марта 1884 года последовало Высочайшее повеление, подтверждающее уточненное пожалование 1860 года и дополнительно дарующее полку **вседневные особенные ливавры с вензелем Императора Александра III**¹³⁸.

Хотя дополнительные вседневные ливавры бытовали и ранее в полках, обладавших наградными образцами, особенное пожалование второй пары ливавр открывало новую страницу в истории подобных награждений.

А подлинные регалии кирасиров Его Величества разделили судьбу собраний всех полковых музеев Царско-сельского гарнизона: в 1918 году в соответствии с постановлением Художественной коллегии «Народного комиссариата просвещения» были перенесены в Большой Екатерининский дворец, пополнив содержание его кладовых. По-

ставленная в известность организация по охране и перенесению полковых музеев в государственные хранилища не возражала против такого уменьшения круга своих забот и лишь откомандировала в Царское Село своего члена-сотрудника М. А. Климовича, при участии которого и состоялась передача¹³⁹.

До настоящего времени эти ливавры не сохранились.

***

Необыкновенная и теперь уже, видимо, напрочь забытая отечественная награда — жалованные ливавры — не так часто привлекала к себе внимание исследователей. В предпринятой попытке обзора удалось выявить упоминания о двадцати семи (в том числе и легендарных) случаях пожалования таких знаков отличия, собрать воедино распыленные сведения и, по возможности, очистить их от напластований укоренившихся ошибок, повторяющихся неточностей и туманных преданий. Более четким, нежели прежде, представал внешний облик (в восьми случаях доподлинно известный, а в пяти — возможный для реконструирования) характерных и неповторимых памятников, запечатленных на старинных фотографиях, литографированных иллюстрациях и воссозданных словесно. Несмотря на утраты, все же остается возможность в наши дни увидеть старинные знаки поощрения русского воинства в петербургских музеях (Суворовском, Артиллерийском, Павловского дворца), сохранивших три пары жалованных серебряных ливавр — Л.-гв. Конного полка (шведские трофеиные 1709 года), Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка (гетманские 1751 года) и Л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (пожалования 1764 года)¹⁴⁰.

1985—1999

¹ Литавры. Военная энциклопедия (далее – ВЭ). СПб., 1914. Т. XV. С. 13.

² [Висковатов А. В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. С. I. С. 66.

³ Грабянка Г. Летопись. Киев, 1854. С. 21.

⁴ М. П. Х. [Хорошихин М. П.] Клейнод // Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1889. Т. IV. С. 272.

⁵ Заключительные слова летописи 1710 года гадячского полковника Г. Грабянки (Грабянка Г. Летопись. С. 257).

⁶ Там же. С. XXIV.

⁷ Бантыш-Каменский Д. История Малой России. СПб.; Киев; Харьков, 1903. С. 454, 593.

⁸ Там же. С. 454.

⁹ Майков П. Разумовский, граф Кирилл Григорьевич // РБСЛ. СПб., 1910. Притвиц – Рейс. С. 455.

¹⁰ Надпись опубликована неточно: Туган-Мирза-Барановский А. История Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872. С. 288. Научная публикация памятника: [Струков Д. П.] Описи знаменам, штандартам, прaporам, прaporцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском Историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903. С. 342–345. № 307.

¹¹ Императрица Елизавета Первая – лат.

¹² По причине редкости упоминания об этих завесах мы сочли уместным поместить сведения о них, опуская аналогичные данные в других случаях, полагая это темой особенного исследования.

¹³ Бантыш-Каменский Д. История Малой России. С. 456.

¹⁴ Обнаружена в архиве генеральной войсковой канцелярии малороссийским историком А. М. Лазаревским и опубликована им: Л-ий А. Гетманские клейноды (1758 г.) // Киевская старина. 1882. Т. II (май). С. 343–344.

¹⁵ Туган-Мирза-Барановский А. История... С. 289.

¹⁶ Предписание Главного Артиллерийского управления от 04.3.1863, № 4867 и резолюция на нем для инспектора местных арсеналов от 16.3.1863, № 1914; инв. № 1940. Шнуровая книга, заключающая в себе описания достоинственных вещей, хранящихся при С.-Петербургском Арсенале, с показанием прихода и расхода их с

1841 года. Ч. II (Р – Я) – Арх. АИМ, ф. 21 (ДЗ), оп. 92/1, л. 223 об., 224.

¹⁷ Предписание ГАУ от 28.10.1869, № 30291; инв. № 131/71; 131/72. (Опись имущества исторического отдела музеума Главного Интендантского управления. 1613–1801. Ч. I. – Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110/13 а, д. 3, л. 27 об.).

¹⁸ Выс. повеление от 26.10.1882; предписание ГИУ от 28.10.1882, № 1651 (Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110 / 13а, д. 3, л. 28); предписание ГАУ от 05.11.1882, № 30082; инв. № IV-6. (Опись Артиллерийского музея, ч. IV. – Арх. АИМ, ф. 22 [АИМ], оп. 111, д. 7, л. 6–7).

¹⁹ Инв. № 16/544 (1–2).

²⁰ См.: М. П. Х. Клейноды // Большая Советская Энциклопедия. М., 1953. Т. 21. С. 404.

²¹ Эварницкий Д. И. История Запорожских казаков. М., 1900. Т. I. С. 299.

²² Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII-м веке. Киев, 1848. С. 51–52.

²³ Известия, привезенные посланным в Запорожскую Сечу с Царским жалованьем стряпчим Перхуровым... от 12.7.1677 // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб. 1885. Т. XIII. Стб. 195; № 49.

²⁴ Грамота гетмана Самойловича к Царю... от 12.3.1678 // Там же. Стб. 507; № 117.

²⁵ Эварницкий Д. И. История... С. 300.

²⁶ См.: канцлер, граф Г. И. Головкин – гетману И. И. Скоропадскому, от 07.02.1709 // Судиенко М. Материалы для отечественной истории. Киев, 1855. Т. II. С. 115; № XIII.

²⁷ Сокращенно цит. по: Эварницкий Д. И. История... С. 300–301.

²⁸ Генерал-лейтенант сенатор князь И. Ф. Барятинский – правитель Малороссии в 1735–1738 годах.

²⁹ Цит. по: Эварницкий Д. И. История... С. 301.

³⁰ Обстоятельством таковой передачи может быть отчасти объяснено отсутствие каких бы то ни было старинных гетманских литавр в войсковой скарбнице на 1758 год.

³¹ Цит. по: Эварницкий Д. И. История... С. 301–302.

³² Там же. С. 302–304.

³³ О даче войску Запорожскому войсковых клейнодов // ПСЗ-1, XVI, 11748. С. 153.

³⁴ См.: Высочайше утвержденный доклад Сената «О даче печати Запорожскому войску» от 06.6.1763 // ПСЗ-1, XVI, 11846. С. 278.

³⁵ Грамота с объявлением, что от Сената велено Иностранный Коллегии указом по отделании для войска Запорожского клейнодов, как то: «... литавров (...) отослать оные для отдачи войску Запорожскому, от 16.6.1763 // Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 183–184; № LXXXVIII.

³⁶ Грамота об отдаче войска Низового Запорожского кошевому атаману Григорию Федорову сделанных клейнодов, от 21.7.1763 // Эварницкий Д. И. Сборник материалов... С. 184–185; № LXXXIX.

³⁷ Представляется ничем не обоснованным указание на то, что в 1774 году генерал-фельдмаршалом светлейшим князем Г. А. Потемкиным-Таврическим были испрошены у Императрицы новые серебряные литауры для Запорожского войска, как утверждается: Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса, 1885. Ч. I. С. 68.

³⁸ Казин В. Х. Казачьи войска. СПб., 1912. С. 112.

³⁹ ПСЗ-1, XXIII, 17055. С. 343.

⁴⁰ Певнев А. П. Кубанские казаки. Екатеринодар, 1911. С. 72.

⁴¹ Казин В. Х. Казачьи войска. С. 139.

⁴² Орлов П. Кубанские казаки. Екатеринодар, 1908. С. 152.

⁴³ Отличное фотографическое изображение их работы действительного члена Кубанского Областного Статистического комитета Е. Д. Фелициана и воспроизведенное в цинкографии Т-ва «М. О. Вольф» опубл.: Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска // Кубанское казачье войско. 1696–1888 г. (Сборник кратких сведений о войске). Воронеж, 1888. С. 406–407, вкл.; а также перепечатано: Орлов П. Кубанские казаки. С. 153; Певнев А. П. Кубанские казаки. С. 73. Литографированное изображение с той же фотографии: Эварницкий Д. И. История... С. 298–299 вкл.

⁴⁴ Эти сведения из статьи: Wennerholm B. R. Livregimentets karolinska silverpukor aterfunna, — Meddelande 50. Armemuseum 1990. Stockholm, 1990. Р. 47, 53, 56; автор, в свою очередь, ссылается на труд: Braunerhjelm C. A. G. Kungl Lifregimentets till häst historia. Bd 3. Uppsala, 1914.

⁴⁵ Из-за неточностей в орфографии и условных сокращений надпись может быть приблизительно переведена так: «За славную победу Великого Короля Шведского Карла XII над Поляками, Саксонцами, Татарами, Валахами и другими чужеземными народами под Клишевским в Польше 1702 г.».

Неточно опубл.: Шенк В. К. Императорская Гвардия. СПб., 1910. С. 128.

⁴⁶ «Одни литавры серебряные от лейб-регимента коннаго» (см.: «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве от 09.7.1709 // Письма и бумаги Императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 264, № 3297).

⁴⁷ Сформирован в 1705 году. Краткая историческая справка о нем: Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1698–1725. М., 1977. С. 95; № 587.

⁴⁸ Историограф конногвардейцев ошибочно считает, что литавры захватил русский Лейб-Регимент (на 1709 год это еще старый — предшественник 1-го уланского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Менишкова полка) см.: Анненков. История Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. Ч. I. С. 3110.

Приказ по Военному ведомству от 5 февраля 1886 года, № 24 безо всяких оснований назвал эти регалии полученными при капитуляции шведской армии у Переяловчи 29 июня 1709 года (см.: Ростовщик частей войск гвардии с показанием их старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. — Пр. по Воен. вед. от 05.02.1886, № 24, прил., с. 28). Оттуда эти сведения перекочевали и в официальную справочную книжку Императорской Главной Квартиры (Шенк В. К. Императорская Гвардия. С. 128).

Автор единственной специальной статьи о жалованных литаврах соединил воедино эти ошибки (Менский К. [Каменский Е. С.] Литавры в Русской Армии // Разведчик. 1898. № 393. С. 379).

Наиболее точны для своего времени сведения: Штакельберг К. Полтора века Конной Гвардии. 1730–1880. СПб. 1881. С. 69.

К сожалению, указанные ошибки продолжают тиражироваться, примером чего может послужить упоминание о литаврах в кн.: Едомский М.. Таболина Г. Конногвардейский манеж. СПб., 1997. С. 117–118.

⁴⁹ Сформирован в 1698 году под названием Преображенского драгунского полка. Расформирован в 1775 году. Назывался Киевским драгунским с 1706 по февраль 1727 и с ноября 1727 до преобразования в

кирасирский в 1756 году. См. о нем: Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. СПб., 1914. С. 276–277; Рабинович М. Д. Полки петровской армии. С. 85; № 541.

³⁰ П.-в. [Поликарпов П.] О войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под Полтавой 27-го июня 1709 года. Кавалерийские полки // Военный сборник. 1909. № 5. С. 244–245.

В недавнее время популяризатором этого забытого обстоятельства явился публикатор конногвардейских ливар старший научный сотрудник Суворовского музея Г. В. Круглов (см.: Круглов Г. История серебряных ливар // Вечерний Ленинград. 1979. № 130).

³¹ Цит. по: Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской армии. СПб., 1899. Т. II. С. 146.

³² Выражение табели мундирных и амуниченых вещей Лейб-Регимента от 1 мая 1730 года, приведенное в кн.: Там же. С. 147.

³³ В XVIII веке была частым местом иссения службы полком.

³⁴ Упомянуты хранящимися там как «подаренные Конной Гвардии Императрице Елизавете» (Свинин П. Стрельна // Сын Отечества. 1818. № 3. С. 92–93). Также упоминаются: Ардикуца В. Е. Стрельна. Л., 1967. С. 53.

³⁵ Встречается ничем не подтвержденная, на наш взгляд, дата пожалования: 1722 год (Ливары // ВЭ).

³⁶ Описание и изображение: Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. II. С. 49, илл. 205. Изображение воспроизведено: Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 192–193 вкл.; Панчуладзе С. История кавалергардов. 1724–1799–1899. СПб., 1899. Т. I. С. 4.

³⁷ [Висковатов А. В.] История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851. С. 7.

³⁸ О том, что именно в 1734 году туда попали первые кавалергардские жалованные ливары, свидетельствуют данные, приведенные в кн.: Историческое описание... СПб., 1899. Ч. II, прил. С. 17.

³⁹ Анненков. История... С. 28.

⁴⁰ Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 147.

⁴¹ 1352 рубля в середине XIX века (см.: Анненков. История... С. 28); 1258 рублей в конце XIX века (см.: Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 146). Ср. с ценами XVIII века обыкновенных штатных ливар: 7 рублей 50 копеек.

⁴² Об учреждении Кирасирского полка // ПСЗ-1, VIII, 5883. С. 563.

⁴³ «Во веки» продлилось до 1742 года, когда полк стал именоваться «бывшим Миниховым» и совершенно изменил название на 3-й кирасирский в 1756 году. Возрождение имени графа фон Миниха присвоением вечного шефства состоялось лишь в 1891 году.

⁴⁴ Пара серебряных ливар «прежнего содержания, принятая в Санкт-Петербурге, из Двора Ее Императорского Величества, 1-го января 1733 года» отмечается в полку в 1775 году (см.: Григорович А. История 37-го драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1907. Т. I. С. 161).

⁴⁵ Высочайшая резолюция от 21.6.1733 на докладе генерал-фельдмаршала Миниха: «О именовании сформированных Графом Минихом двух Кирасирских полков, одного Лейб-Кирасирским, а другого Бессенским; о даче оным полкам двух пар серебряных ливар...» // ПСЗ-1, IX, 6446. С. 173.

⁴⁶ См. об этом пожаловании: Марков. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. СПб., 1884, прил. С. 51.

В данных Е. С. Каменского явная опечатка: 1833 год, вместо 1733.

⁴⁷ См. об этом пожаловании: Туган-Мирза-Барановский А. История... С. 288 (явная опечатка: 1723 год, вместо 1733); Волынский Н. История Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. 1701–1901. СПб., 1902. Т. I. Кн. 1. С. 161.

⁴⁸ Об этом проекте см.: Историческое описание... СПб., 1899. Ч. II. С. 105.

⁴⁹ Марков. История... С. 51.

⁵⁰ Подлинное документальное описание см.: Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 146.

Реконструированное описание и изображение: Историческое описание... СПб., 1899. Ч. III. С. 77, рис. 368.

⁵¹ Николаев. Н. Г. Исторический очерк... С. 51, выноски.

⁵² Там же. С. 146.

⁵³ Фотографическое изображение, воспроизведенное в фототипии «Шерер, Набгольц и К°» в Москве, опубл.: Каменский Е. С. История 2-го драгунского С.-Петербургского генерал фельдмаршала Князя Меншикова полка. 1707 – 1898 гг. М., 1899. Т. I. С. 368–369 вкл.

⁵⁴ См. об этом пожаловании: Там же. С. 385–386.

⁵⁵ Там же. С. 385–390.

⁵⁶ Там же. С. 385.

⁵⁷ Такая датировка восходит к данным Всеподданнейшего доклада

Инспекторского департамента Военного министерства от 17 августа 1837 года.

⁷⁸ Менский К. [Каменский Е. С.] Литавры... // Рассадник. 1898. № 393. С. 379–380.

⁷⁹ Там же. С. 379, 380.

⁸⁰ Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 159.

⁸¹ Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 100.

⁸² Там же. С. 136.

⁸³ Марков. История... прил. С. 52.

⁸⁴ Не исключается пожалование отличий полку с дозволения Императрицы самим Польским королем (см.: Там же. С. 111–112).

⁸⁵ Менский К. Литавры... С. 379; Каменский Е. С. История 2-го драгунского... С. 386.

⁸⁶ «Каким образом эти литавры достались полку сведений не имеется, но предположить можно, что они пожалованы полку Императрицей Екатериной II по уничтожении в Малороссии гетманского достоинства», то есть именно в 1764 г. (см.: Туган-Мирза-Барановский А. История... С. 288.)

⁸⁷ Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 64. Точка зрения восходит к расписанию знаков отличий полков от 7 августа 1834 года.

⁸⁸ Менский К. Литавры... С. 379; Каменский Е. С. История 2-го драгунского... С. 386; Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 159.

⁸⁹ Фотографическое изображение опубликовано: Григорович А. История 37-го драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1907. Т. I. С. 161; Его же. Памятка ордена. 1709–1909. СПб., 1909. С. 23, 69.

⁹⁰ Григорович А. История... С. 160.

⁹¹ Менский К. Литавры... С. 379; Каменский Е. С. История 2-го драгунского... С. 386.

⁹² Николаев Н. Г. Исторический очерк... С. 159.

⁹³ Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 29.

⁹⁴ См. об этом подарке: Агафонов К. Летопись новотроицко-екатеринославских драгун. СПб., 1908. С. 161; Его же. Памятка Новотроицко-Екатеринославских драгун. 1708–1908 гг. СПб., 1908. С. 64–65.

⁹⁵ Фотографическое изображение: Агафонов К. Летопись... С. 161.

⁹⁶ Предположительно упоминается, что это командир одного из гу-

арских полков (см.: Марков. История... С. 51, прил.). Обнаружить полк с таким шефским наименованием нам не удалось.

⁹⁷ Высочайший приказ, отданный при народе 05.02.1799: «О музыкальных инструментах в кавалерийских полках, причисляемых к регалиям» // ПСЗ-1, XXV, 18848. С. 551–552.

⁹⁸ Об отмене в кирасирских и драгунских полках литаврищиков. — ПСЗ-1, XXXI, 2489. С. 919–920.

⁹⁹ Менский К. Литавры... С. 379.

¹⁰⁰ Анненков. История... С. 312.

¹⁰¹ Это они, в частности, запечатлены художником Э. П. Гау на акварельном интерьере Дубового кабинета Императора Петра I Большого Петергофского дворца середины XIX века. Воспроизведено: Знаменов В. Петродворец. Акварели XIX века (набор открыток). Б. м., 1988. (№ 3).

¹⁰² Акт на музейное имущество, принятое из Эрмитажа 31.01.1932. Ч. I, поз. 724. — Арх. АИМ, ф. 1р, оп. 1, д. 5, л. 256.

¹⁰³ Инв. № эрм. ф. 2307.

¹⁰⁴ Инв. № 16/116 (а–б).

¹⁰⁵ Разрешение Академии Артиллерийских Наук от 09.12.1950, № 844/3859. Инв. № МС-646; МС-648.

¹⁰⁶ У поручика А. А. Туган-Мирзы-Барановского ошибочно «Сигизмунд-Август» (Туган-Мирза-Барановский А. История... С. 289).

¹⁰⁷ Вопреки данным полковой истории кирасиров Его Величества (Туган-Мирза-Барановский А. История... С. 289) и прочих официальных изданий (Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 132) литавры не могли быть отбиты в 1784 году, когда военных действий в Польше не было. Год присылки в крепость — 1794-й — означает и время взятия трофея. Е. С. Каменский вообще ошибочно полагал их шведскими (Менский К. Литавры... С. 380).

¹⁰⁸ Каменский Е. С. История 2-го драгунского... С. 388.

¹⁰⁹ Агафонов К. Летопись... С. 161.

¹¹⁰ Ныне в Белостокском воеводстве Польской Республики.

¹¹¹ Обнаружить его нам не удалось, однако на него ссылается Е. С. Каменский (см.: Менский К. Литавры... С. 380).

¹¹² Ныне г. Каунас Республики Литва.

¹¹³ Каменский Е. С. История 2-го драгунского... С. 387.

¹¹⁴ Менский К. Литавры... С. 380.

¹¹⁵ Отчетливый вензель Императрицы Елизаветы Петровны назван вензелем Императрицы Екатерины II.

¹¹⁶ Полковой санкт-петербургский герб почему-то проигнорирован.

¹¹⁷ Internationalla Verauktionen. (№ 46). Stockholm, 30.5—01.6.1998.

¹¹⁸ Весьма вероятно, что эти накладные изображения гербов скрыли забытую надпись «1764». Во всяком случае, инвентарные описания не отмечают ее наличия, а натурное исследование памятника оказалось для нас невозможным.

¹¹⁹ В таком обновленном виде они запечатлены на рисунке известного художника, академика живописи Н. С. Самокиша, опубл.: Мордвинов 1-й. История Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. СПб., 1904. Т. II. Шмудтитул — титул, вкл.

¹²⁰ Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 136.

¹²¹ Особенная организация охраны и перенесения полковых музеев в государственные хранилища была образована Приказом Народного комиссара по военным и морским делам от 27.01.1918, № 103 и упразднена Приказом Петроградского Окружного комисариата по военным делам от 22.4.1919 (Воробьев Т. И. История Артиллерийского Исторического музея ААН. Ч. II. Гл. VII [рукопись]. — Арх. АИМ, ф. Зр, оп. 2, д. 355, л. 8 — 9, 73).

¹²² С мая 1918 года и по февраль 1919 года был также и первым комиссаром Артиллерийского музея. Перечень начальников, комиссаров и заместителей по политчасти Артиллерийского Исторического музея (с 1917 по 1951 гг.) // Воробьев Т. И. Приложения к Истории Артиллерийского Исторического музея ААН (к гл. VII—XI) (рукопись). — Арх. АИМ, ф. Зр, оп. 2, д. 360, л. 90.

¹²³ Акт о принятии ценного имущества быв. Л.-Гв. Кирасирского (Ее Величества) полка от 12.8.1918. — Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110/2, д. 47, л. 1.

¹²⁴ Акт выдачи вещей б. Л.-гв. Кирасирского полка для отправки от 03.9.1918. — Там же, л. 8.

¹²⁵ Расписка хранителя Гатчинского дворца В. К. Макарова в оставлении литавр от 03.9.1918. — Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110/2, д. 47, л. 9.

¹²⁶ Выражение 1928 года академика С. Ф. Ольденбурга цит. по: Серебряков И. Без ответа // Огонек. 1989, № 19, С 18.

¹²⁷ Отношение начальника канцелярии Военкомпета комиссару В. Е. Гущику и последнего — хранителю Гатчинского дворца от 11.9.1918 (копия). — Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110/2, д. 47, л. 11.

¹²⁸ Изв. № 23737 (1—2).

¹²⁹ Изв. № № ЦХ-2228/VII; ЦХ-229/VII.

¹³⁰ Генерал-майор С. Д. Безобразов командовал полком с 1848 по 1854 гг.

¹³¹ Опубл.: [Висковатов А. В.] Историческое описание... С. 134—135; Панчулидзе С. История кавалергардов. 1912. Т. IV. С. 293—294.

¹³² Панчулидзе С. История кавалергардов. С. 165.

¹³³ Там же. С. 295.

¹³⁴ Там же. С. 359.

¹³⁵ Там же. С. 351—380.

¹³⁶ Перечень музеев, музейных собраний и коллекций, влившихся в Артиллерийский музей с 1917 по 1952 годы. (Воробьев Т. И. Приложение... — Арх. АИМ, ф. Зр, оп. 2, д. 360, л. 46).

¹³⁷ См.: Туган-Мирза-Барановский А. История.. С. 289; Модзалевский Н. К., Шенк В. К. Кавалерия. С. 132.

¹³⁸ Гвардейская кавалерия // Интенданские таблицы. Б.м., б.г. Апп.: Л.-гв. Кирасирский Его Величества полк.

¹³⁹ Полковые музеи Царскосельского гарнизона. — Арх. АИМ, ф. 52, оп. 110/2, д. 43.

¹⁴⁰ Добавим еще и одну, ушедшую «с молотка» и сохранившуюся в неизвестном шведском собрании подлинную литавру 1-го уланского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меникова полка (екатерининского пожалования 1763 года).